

**С.А. ШАВЕЛЬ: «...СОЦИОЛОГИЯ В НАШЕЙ СТРАНЕ ИМЕЕТ
СЕРЬЕЗНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ И БУДЕТ УСПЕШНО РАЗВИВАТЬСЯ»
(интервью доктора социологических наук С.А. Шавеля
главному редактору журнала «Социология»
профессору А.Н. Данилову)**

Сергей Александрович, Вы родились перед самой войной в 1940 г. в д. Герутево Свислочского района Гродненской области в крестьянской семье. Расскажите, пожалуйста, о вашей семье, детстве, школьных годах, если можно, о своем роде.

Род наш действительно крестьянский – и по материнской, и по отцовской линии. Правда, брат бабушки Устинии был железнодорожником еще в царское время, позже – в польское и получал хорошую пенсию, чем бабушка гордилась. Я его не помню. Сегодня многие проводят архивные изыскания в области генеалогии, пытаются доказать «аристократизм крови», найти в своей родословной если не дворянские корни, то хотя бы купеческие или предков-разночинцев, священников и т. д. Наша фамилия, возможно, балтийского происхождения, но встречается у многих народов с некоторыми модификациями: у русских – Шавелев или Шевелёв, украинцев – Шавельчук, поляков – Шавельский, у литовцев – Шавелюнос, Шавес, у евреев – Шавельзон и Шавалиев у мусульман. Это к тому, что если постараться, то можно, пожалуй, найти шляхтича, банкира или даже хана. Но для чего? Это то, что мы, социологи, называем аскрипцией – предписанным статусом. Титул, гендер, происхождение, расовая принадлежность и т. п. – все эти внешние признаки можно считать нейтральными, если они не портят характер и не деформируют единственно достойную человека ориентацию – достижительную.

Говорю об этом потому, что мое поколение деревенской молодежи встречалось иногда на бытовом уровне с непониманием, насмешками, порой и оскорбительными кличками – «мужик», «колхозник», «деревенщина». Это заставляло активничать, стремиться овладеть некоторыми элементами городского этикета и обихода, а главное – достичь результата в деловой сфере: учебе, спорте, работе.

Я уверен, что в детстве для правильного воспитания и успешной социализации деревня («глубинка») дает больше, чем город. Общение с природой развивает воображение лучше и вернее, чем компьютерные забавы; сельский мир учит морали и ответственности; домашние дела, уход за животными прививают чувство хозяина; прямое общение с людьми избавляет от анонимности как иллюзии свободы, от заносчивости, снобизма и пр. Не случайно дворянские дети подолгу жили в деревне и, как правило, любили ее. Уничтожение принесли как раз те, кто прокламировал особый путь сельской общины – народовольцы, эсеры и др., видя в ней прежде всего средство борьбы за власть. Даже Маркс, никогда не живший в деревне, отметился высказыванием об «идиотизме деревенской жизни». В некоторых странах давно уж нет деревни, а идиотизма более чем достаточно. Если говорить о детях, то послевоенная урбанизация оттеснила такого рода опыт и здравый смысл на периферию родительской заботы. Правда, в советское время развитая система пионерских лагерей давала достаточную компенсацию хотя бы в плане оздоровления. К счастью, в Беларуси эта система в целом сохранилась.

Говорят, не надо идеализировать деревню. Да разве она нуждается в идеализации, лакировке, маскировке и т. п.? Дух деревни, ее ментальный код точно выразил С. Есенин в поэме «Анна Снегина»:

Мы в важное очень не лезем,
Но все же нам счастье дано...

Счастье дано, стоит лишь впустить этот мир в себя, понять, принять и полюбить его, не запугивая себя до судорог отсутствием коммунальных удобств или музеев, театров, как это делают некоторые молодые специалисты сегодня. Мы были счастливы, потому что родились здесь, росли патриотами малой родины, романтиками-мечтателями, фантазерами. Приятные сюрпризы ждали нас за каждым поворотом: в природе – ежедневные открытия, в жизни – множество новинок. В деревне в те годы открылся клуб с патефоном, книгами и шахматами, появились первые автомобиль и трактор, радио и свет, первый велосипед, коньки и лыжи. Спорт начинался с лапты, которую американцы переделали в бейсбол; потом мы сами построили волейбольную площадку, купили мяч, сплели сетку. Фабричный спортивный инвентарь нам подарил председатель колхоза В.П. Соколов, кстати, ленинградец, после того, как мы выиграли первенство района в составе взрослой команды.

Учеба шла естественно, как познание природы, и не требовала особого напряжения, учиться было интересно. Единственное, что у меня вызывало внутренний протест, – это механическое заучивание, когда есть вывод, но неясно, почему он таков, как в известном исключении «уж, замуж, невтерпеж». К счастью, это касалось только некоторых грамматических правил. Овладев грамотой, я стал завзятым книголюбом. Вначале на белорусском, позже на русском и чуть медленнее на украинском языке. Среднюю школу я закончил в райцентре Порозово, который находился в 12 километрах от нашей деревни. Зимой мы жили в интернате, весной и осенью ездили в школу на велосипедах, что было неплохой тренировкой.

Послевоенные годы были очень трудными, хотя мы детским разумом этого не понимали. Голода-то ведь не было, как в других местах, где случилась засуха в 1946 г. Беларусь можно любить уже за то, что в нашем краю трудолюбивый человек не будет голодать – ни сам, ни дети, ни другие иждивенцы. Не уродятся зерновые, заменит картошка, фрукты-овощи, крапива-лебеда (использовалась вовсю), в конечном счете дары природы – рыба, дичь, грибы, ягоды и пр. В нашей семье во время войны погибли все взрослые мужчины. Брат отца Игнатий в 1939 г. проходил службу в польской армии и пропал без вести, возможно, оказался в Катыни. Отца и его старшего брата Арсения, а также братьев матери Павла и Юлиана немцы схватили и увезли в Изобелин под Волковыском, позже расстреляли. После ареста отца нас с матерью угнали в Германию, где мы пробыли до освобождения. В 1945 г. мы вернулись в деревню, где на хозяйстве нашем оставалась одна бабушка. К тому времени расстрелянных из наших и окрестных деревень уже перезахоронили на церковном кладбище. Я это время практически не помню. Мать рассказывала, что после какого-то лагеря нас забрал бауэр, у которого она работала вместе с такими же рабами из России, Украины, Бельгии, Польши.

У нас был огород, небольшой, но очень грамотно разбитый отцовский сад, кое-что из живности, гектаров десять пахотной земли, соток десять собственного леса. Но ни лошади, ни телеги, ни других орудий у нас не было. До создания колхозов (1949–1950) наш деревенский уклад называли единоличеством. В нем, правда, были элементы общинного устройства и быта: выгон для выпаса скота, две «пустки», т. е. пустое пространство внутри поселения с противопожарными целями и др. Конечно, без поддержки родственников и соседей мы не смогли бы обрабатывать свой участок: сажать картошку, сеять зерновые и пр.

Как Вы попали в авиацию и почему все же философия одержала верх и Вы поступили в ведущий вуз СССР – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова? Трудно ли было поступить простому белорусскому пареньку из далекой провинции в самый элитный вуз страны?

В авиацию я попал отчасти из-за романтической настроенности, отчасти по вполне земным мотивам. Военное училище давало полное обеспечение (одежда, питание и пр.) плюс небольшая стипендия, а также бесплатный проезд на зимние (14 дней) и летние (30 дней) каникулы с денежной выплатой за питание. В любом гражданском вузе (в Горках, куда меня сильно тянул мой старший товарищ; в БГУ, куда рекомендовали учителя) я мог жить только за счет стипендии, поскольку семья помогать не могла. В то время я понятия не имел, как можно подрабатывать во время учебы, и лишь в Москве вполне успешно совмещал эти виды деятельности. Почему ушел из авиации? В 1961 г. Хрущев сократил на 1,2 млн армию. Появились ракеты, и казалось, что они заменят авиацию и морфлот. Нам присвоили офицерские звания, засчитали действительную службу и отправили в отставку – училище расформировали. Это был сильный удар по мотивации, офицеры, кому осталось несколько лет до пенсии, были вне себя. Характерно, что на четвертом курсе МГУ меня вызвали в военкомат в числе многих авиационных специалистов не с предложением, а с требованием вернуться в армию. Каким-то образом я убедил комиссара позволить мне все-таки доучиться, а затем, если понадобится, призвать. Все это к вопросу об обоснованности столь важных решений.

Тогда же нас после двух месяцев неопределенности «передали» в ГВФ (Гражданский воздушный флот). Я с отличием закончил училище, отработал положенный срок по распределению, взял отпуск и приехал в Москву. Конечно, МГУ – это не просто мировой бренд, но и хорошо организованная система, даже в мелочах. Я говорю о том времени, сегодня же вызывает удивление информация о каких-то непонятных передрыгах. До начала экзаменов был еще месяц, но меня поселили в общежитие, выдали пропуск в Дом студента и в аудитории, направление в Ленинскую библиотеку, ознакомили с расписанием консультаций. Весь месяц я просидел в библиотеке от открытия до закрытия, отлучаясь лишь на консультации. Сложная ситуация для меня возникла только однажды на экзамене по истории. Рассказывая о причинах возвышения Москвы, я перечислил все, что называют в разных источниках, включая Н.М. Карамзина и В.О. Ключевского. И вдруг вопрос о плодородии почв, о чем никто из них не упоминал. Пришлось сочинять, что это, мол, не Украина с ее черноземами, но и не Беларусь с песчаниками и болотами, в общем, нечто среднее, «не очень». Но ошибся, почвы в Подмоскovie даже очень плодородны, кажется, краснозем. Мнения экзаменаторов разошлись: четыре или пять. Предложили вариант: взять билет и отвечать на третий вопрос без подготовки. Оказалось, февральская революция: причины, движущие силы и т. д. А это я знал назубок. Так что, как видите, не трудно: разрешили даже исправить неточность.

На философский факультет я поступил потому, что он, как я надеялся, ближе других к социологии. Эта надежда, в общем-то, оправдалась, хотя и не сразу. Что касается философии, то при переходе от отрочества к юности у многих, видимо, появляются эти коварные, вечные, смысложизненные вопросы – первые проблески рефлексивности. Лично меня философия манила своей глубиной, загадочностью и сложностью (апории, антиномии, темная терминология). Чего стоит школьное сочинение о философии истории у Л.Н. Толстого. Интересно было бы прочитать сегодня, за что мне поставили пятерку. Но меня тянуло не в трансцендентальную высь – метафизика, натурфилософия и др., а к обычным земным жизненным проблемам, которые, казалось бы, на виду, но непонятны, запутаны. Скажем, я видел, что при единоличестве вся деревня в сезон работала от зари до зари, трудовая мотивация была запредельной. После организации колхоза она заметно снизилась у взрослых, в то время как нам, пацанам, было интереснее работать

в колхозе. Лет в 14 нас обучили всем премудростям работы с лошадьми и ухода за ними и создали из нас бригаду по окучиванию картошки. Какая это радость – самостоятельный совместный труд, возможность прокатиться на лошади, серьезное отношение взрослых. Так у нас формировалась высокая мотивация, которую иногда остужали подзатыльниками конюхи или словами – бригадир Иван Антонович. Я пытался понять, откуда эта разница в мотивационных установках, в чем тут дело, задавал вопросы. Но и сегодня на них нет однозначного ответа, тем более, что примеры энтузиазма были и в нашем колхозе им. Тельмана, например когда организовались льноводческие бригады, и особенно в известных хозяйствах-маяках, таких как «Рассвет», «Вертелишки» и др., где люди трудились в колхозе если не лучше, то и не хуже, чем на своих приусадебных участках.

Другой пример из области человеческих отношений. В нашей деревне жили белорусы и поляки, примерно поровну, – так сложилось исторически. Братья-славяне были идентичны (в том числе и по самооценке) в труде, досуге, бытовых привычках, той же выпивке и т. д. Но как только дело касалось вопросов, хоть как-то затрагивающих конфессиональную принадлежность, например межнациональные браки, традиции, ритуалы, история религии и т. п., проявлялись отличия, образовывалась дистанция, отчуждение, переходящее в те годы нередко в стычки и разборки. Начиная с нашего поколения ситуация стала меняться. Какие стычки, мы вместе учились, дружили, выступали одной командой на олимпиадах и соревнованиях, где ценятся знания и мастерство, все иное – периферийно. Конечно, сегодня в наших краях, в Гродненской области, те же смешанные браки – обыденное явление. Однако в мире и даже на постсоветском пространстве периодически эти проблемы обостряются и грозят серьезными последствиями. Как известно, по одной из теорий доминирующей является (должна быть) классовая солидарность. Тем не менее этнонациональные и религиозные различия часто превышают не только классовые, но и государственные, гражданские и иные интересы, поскольку легко поддаются манипуляции. Некоторые считают панацеей космополитизм, я думаю, что главный предохранитель от такого рода эпидемий (ксенофобии и т. п.) – толерантность народа и соответствующая политика государства. Такого рода мысли сделали меня в старших классах активным селькором, а позже подвигли на поступление в МГУ.

Я понимаю, МГУ – это особый мир, который всегда с Вами. Расскажите о своей учебе, как Вы выбрали свою профессию, кто из преподавателей Вам особенно запомнился, оказал наибольшее влияние? Расскажите о своих сокурсниках, друзьях?

Запомнилась вступительная лекция декана факультета профессора В.С. Молодцова. Он поздравил нас с поступлением в МГУ и призвал не ограничивать свою учебу только лекциями, семинарами и библиотечной работой: «Вы должны постараться освоить культурные достижения Москвы: музеи и театры, архитектурные и исторические памятники и многое другое». Это было мудрое наставление, тем более, что в таком направлении вряд ли кто-либо из нас думал. Я достаточно активно следовал этому совету.

Профессорско-преподавательский состав факультета был на высоте. Особенно выделялась кафедра истории философии во главе с академиком Т.И. Ойзерманом, а также профессорами И.С. Нарским, А.С. Богомоловым, Ю.К. Мельвилем и др. Здесь же работал В.Ф. Асмус – легенда отечественной философии, энциклопедист, автор многих работ по логике, эстетике, проблемам интуиции, античной философии и др. Оригинально вел семинарские занятия профессор Богомолов, кстати, бывший летчик, применяя

метод «мозгового штурма» (термина еще не было) для освоения древних философских текстов. Родной мне стала кафедра исторического материализма. Руководил кафедрой Д.И. Чесноков, автор известного учебника по истмату; в состав кафедры входили профессора Г.М. Андреева, Ю.К. Плетников, Н.И. Дряхлов, В.И. Разин и др. Курс социологии начала читать на вечернем отделении Г.М. Андреева, позже к ней присоединился Куприян. Естественно, я стал их активным слушателем. Большой резонанс вызвали «Лекции по социологии» Ю.А. Левады на факультете журналистики. На третьем курсе я вошел в группу Н.И. Алексеева, созданную при Институте труда для проведения социологических исследований на предприятиях Москвы. «Боевое крещение» в смысле полевой работы я прошел на фабрике «Дукат». Изучалась стимулирующая роль разных форм оплаты труда – повременной, сдельной, аккордной. До разработки инструментария дело не дошло, собственно, мы еще не были готовы к этому. Использовались наблюдения, интервью и анализ документов. Это был неоценимый опыт вхождения в социологию, особенно важный в психологическом плане.

Первым другом – и по сей день – стал Гена Лобастов из Калининградской области, куда его семья переехала после войны. Он успел получить специальность электрика и несколько лет ходил в море на рыболовных судах – сейнерах, траулерах. Его учителем был Э.В. Ильенков, дело которого он успешно продолжает и сегодня, став доктором философских наук, профессором, заведующим кафедрой МИЭТ, президентом философского общества «Диалектика и культура», организатором знаменитых Ильенковских чтений. Мы прожили в одной комнате пять университетских лет, работали в стройотрядах на Сахалине и в других местах, я бывал у него на родине в Нестерово, и мы всегда много спорили. Дружбой с ним и его милой женой Куляйхан, философом и поэтом, я горжусь и дорожу. Наш общий друг Кенжебек Жунисбаев отличался сверхактивностью и умением красиво носить бабочку, над чем мы посмеивались, а может, и завидовали. Он ввел нас в казахское землячество, а во время работы стройотряда на целине – и в дома казахов, где мы узнали вкус бешбармака, пользу кумыса и оценили гостеприимство казахского народа. К сожалению, связь с Кенжебеком на сегодня прервалась. Виктор Каменев из Усть-Каменогорска, студент-химик, поддерживал наши связи с естественными факультетами. Петр Дозорцев из Астрахани сегодня возглавляет одно из учебных заведений в Москве. Коренной москвич Сергей Мореев одним из первых защитил докторскую, стал профессором, в настоящее время – главный научный сотрудник Современной гуманитарной академии. Из наших земляков я дружил с Иваном Габрусем, Людой Холаевой из Гомеля. В нашей группе училась жена Александра Ципко Светлана Волошина. Он шел на год старше нас и получал Ленинскую стипендию. Круг близких людей по взглядам и интересам был достаточно широк, но друзей, как известно, много не бывает. Дж. Уотсон, лауреат Нобелевской премии за открытие двойной спирали ДНК, в своей лекции в МГУ советовал: «У вас должны быть только те друзья, у кого вы можете чему-то научиться. Вот почему у меня почти и не было друзей». Не думаю, чтобы наша дружба основывалась на каких-нибудь прагматических мотивах; мы, конечно, учились друг у друга, но самоцелью это не было. Природу дружбы вообще объяснить трудно.

Приобщение к науке, первые самостоятельные шаги с дипломом МГУ. Расскажите, как встретила Вас родная Беларусь, с чего Вы начали свою научную деятельность?

Родная Беларусь встретила вполне доброжелательно. Я был принят на работу в Институт философии и права АН БССР, получил общежитие. На-

учную деятельность я начал в секторе диалектического и исторического материализма, которым руководил Д.И. Широканов, в должности младшего научного сотрудника. До сих пор я с теплотой вспоминаю дружный и высокопрофессиональный коллектив сектора. Через некоторое время успешно защитили докторские диссертации И.И. Жбанкова, Л.В. Уваров, В.С. Бобровский, П.А. Водопьянов, М.А. Слемнев, Е.Х. Капелян. Д.И. Широканов стал академиком, П.А. Водопьянов – членом-корреспондентом НАН Беларуси. Мне утвердили тему «Социальное наследование как информационный процесс». Начал я с анализа трудов классиков, как и требовалось в то время, выступил с докладом, опубликовал первую статью, написал текст по материалам исследования около трех печатных листов, который так и остался не востребованным.

Каким Вы запомнили Белорусский государственный университет, как Вы пришли в социологию? Какой она была тогда, с кем Вы работали, какие исследования проводили?

В БГУ меня пригласил Г.П. Давидюк в созданный им сектор прикладной социологии при кафедре философии, которую он возглавлял. Ректором университета в то время был В.М. Сикорский – доктор философских наук, член-корреспондент АН БССР. В советское время (да и сегодня) не так много было университетских ректоров-гуманитариев. Мне повезло познакомиться с ректором Саранского госуниверситета А.И. Сухаревым, любезно согласившимся оппонировать мою кандидатскую диссертацию.

Сектор организационно входил в состав НИЧ, начальником которой был А.В. Чалей, физик с несомненными менеджерскими качествами. Сектор создавался как хозрасчетное подразделение, финансируемое исключительно за счет договоров. Становление шло архисложно: сказывалось отсутствие опыта, да и недостаток знаний, особенно в области математико-статистических методов, экономики и организации промышленных предприятий, мотивации и стимулирования труда. Точнее так: университет дал нам – сузу по себе и моим молодым коллегам, выпускникам БГУ, – достаточные знания для теоретической работы и преподавания, но ни мы, ни наши учителя в то время не предполагали, что придется проводить прикладные исследования на промышленных предприятиях, да еще по хозяйственным договорам. Хоздоговор даже для опытной команды дело весьма серьезное. Для нас же на первых порах оно казалось экстремальным испытанием. Слова Т. Парсонса: «Публикуйся или погибай» из «Интеллектуальной автобиографии» для нас звучали так: «Процентуйся или уходи». Ежеквартальные «процентовки» (акт приемки заказчиком выполненной работы) требовали ритмичной и слаженной работы, к чему психологически не все были готовы. Но мы устояли, и через небольшое время со дня основания (не более трех лет) превратились в хорошо организованный, мобильный, достаточно профессиональный творческий коллектив с немалыми амбициями.

Передо мной небольшая брошюрка под названием «Аннотированный указатель работ, выполненных сектором прикладной социологии за период 1974–1979 гг.» (Мн., 1979). Компьютеров у нас не было, поэтому для учета, систематизации и накопления информации мы создали архив (М.А. Тюрина) и предприняли такое издание. Характеризовать работы сегодня не имеет смысла: некоторые темы остались в истории (соцсоревнование, общественное самоуправление на предприятиях и т. п.), другие развиты в диссертациях и иных публикациях сотрудников. Главное – это люди. В списке авторов 76 фамилий штатных сотрудников и совместителей, но в нем нет тех, кто проходил стажировку, консультировал нас или консультировался по каким-то вопросам. О творческом потенциале и жизнеспособности сектора

можно судить по показателям научного роста сотрудников. Докторами наук впоследствии стали Г.Н. Соколова, Д.Г. Ротман, С.А. Шавель, А.И. Левко, С.В. Лапина, О.Т. Манаев, В.В. Бущик, В.И. Овчаренко, Л.А. Гуцаленко, И.П. Дубинин, а также сотрудничавшие с сектором Я.С. Яскевич, Л.Г. Титаренко, П.И. Бондарь, Л.Ф. Кузнецова; доцентами, кандидатами наук – Ж.М. Грищенко, Л.П. Бурдынова, А.П. Дульчевская, Р.И. Зеленицкая, А.Б. Каганов, С.В. Кузьмин, А.В. Кузнецов, Г.В. Купрейчик, К.Г. Лапич, В.И. Лиходиевский, Б.Я. Мигас, Е.И. Мишук, З.Н. Пинхасик, И.Я. Писаренко, Л.А. Согдаева, А.В. Скикевич, А.В. Соколова, М.Ю. Тенянка, А.С. Теремов, М.М. Юхнель, А.А. Легчилин, И.В. Гузино, В.А. Балцевич. О некоторых сотрудниках у меня нет информации. Мы всегда помним тех наших коллег, которых уже нет с нами, – И.Я. Писаренко, В.В. Троицкого, М.П. Тимофеева, К.Г. Лапич.

Первый договор был с Минским станкостроительным объединением им. С.М. Кирова, которое в то время возглавлял В.Ф. Кебич. Вячеслав Францевич, в отличие от многих хозяйственников того времени, хорошо понимал, для чего нужны социологические исследования, поддерживал социологов, выслушивал, вникал в детали. Позже, после проигрыша президентских выборов 1994 г., во втором туре, он нелестно отозвался о социологах, которые работали в его команде и, как он считал, «подвели его», но это отдельная тема.

В числе наших заказчиков были такие крупные предприятия, как БелАЗ, Оршанский льнокомбинат, Могилевские «Химволокно», «Строймашина», Молодечненский завод силовых полупроводниковых вентилях, Минский комбинат строительных материалов и др. Инициатива в определении направленности исследований, естественно, исходила от заказчиков. Часто нашу работу курировали парткомы, которые предлагали изучение проблем идейно-воспитательной работы, организации рабочих собраний, психологического климата, дисциплины труда, культурно-массовой работы в общежитиях и др. Изучались также текучесть кадров, стимулирование труда, удовлетворение социально-бытовых потребностей, работа общественных организаций, роль средств массовой информации и др. Активное участие сектор принял в социальном планировании, в том числе и в разработке плана социально-экономического развития г. Минска, который был отмечен золотой медалью ВДНХ.

Расскажите о работе в Академии наук, какие были порядки, атмосфера в Вашем коллективе, какие проблемы Вы исследовали?

Мне не просто давать какие-либо ретроспективные оценки, все-таки в первый период я проработал в Институте философии только два года. К тому же был сверхмотивирован на самостоятельную научную работу и все, не связанное с ней, не замечалось или уходило на периферию сознания. Могу отметить два момента, которые позже, когда мне пришлось руководить научным коллективом, я всесторонне обдумывал. Во-первых, это то, что можно назвать балансом регламента и свободы творчества. Эти термины часто толкуются превратно, но академик К.П. Буслов как опытный администратор и вместе с тем исследователь верно понимал, в какой пропорции они должны сочетаться для благоприятного климата и эффективной работы. Соблюдение правил распорядка никогда не подменялось функциональным контролем, а свобода творчества не могла перейти в вольницу, ибо отчет по результатам был системным и всесторонним (обсуждение плановых публикаций, годовые отчеты, аналитические записки, доклады и др.). Во-вторых, соединение философских, правовых и социологических направлений, каждое из которых также ветвилось, требовало того, что сейчас назы-

вают «синергетическим синтезом», при котором общение, сотрудничество полезно и обогащает каждого. Такой эффект достигался совместной работой в составе Ученого совета, общественных организаций, а также общеинститутскими культурными мероприятиями. Написал это и подумал: легко сказать, но как трудно сделать и сколько научных коллективов, в которых масса сил тратится на внутренние разборки, конфликты и пр. Нашим – молодых сотрудников и аспирантов – основным местом работы и одновременно «спорплощадкой» (дискуссионным клубом) был пятый этаж Научной библиотеки Академии. Здесь собирались все обществоведы и гуманитарии: делились знаниями, обменивались мнениями, получали консультации и регулярно спорили. Полемика по некоторым темам, порой далеким от научных интересов, например авторство «Тихого Дона», длилась месяцами, то потухая, то возобновляясь с получением новой информации. Сейчас молодые сотрудники редко ходят в библиотеку, ставка сделана на Интернет, а с ним – на «единоличие», ведущее к снижению умения выступать перед людьми, аргументировать, чувствовать реакцию, догадываться и пр. Посоветовал бы если не вернуться к прошлому, то научиться оптимально сочетать разные варианты.

Вспоминается ситуация на кандидатском экзамене по философии. Буслов задал мне дополнительный вопрос о «меньшевистствующем идеализме». В университете это выражение было известно (как и его адресат Деборин), но знать его не требовалось. Стал я рассуждать, что здесь, мол, нарушена логика образования понятий: меньшевизм – термин политический (отказ Мартова и других от поддержки революции в России как несвоевременной), а идеализм – мировоззренческий. Следовательно, это не научное понятие, а метафора, характеризующая уход от политической борьбы по мировоззренческим основаниям. Но поскольку этот термин употреблен в партийных документах, то оценку мне снизили.

Сергей Александрович, как показывают ваши публикации, главной темой ваших исследований является социальная сфера общества и личность. Сейчас Вы больше внимания уделяете развитию идей устойчивого развития, социальной дифференциации, анализируете проблемы социального капитала, социального порядка. Очень интересны ваши выводы по мотивационным стратегиям потребления, социальным инновациям как важнейшим источникам развития общества и инновационным установкам населения. Каким Вы видите образ устойчивого социума и как по-вашему возможно достигнуть консенсуса в обществе переходного типа?

Ваш вопрос затрагивает базовые основания жизнеспособности и поступательного развития социальных систем, а следовательно, и общественное предназначение социологической науки. Безусловно, понятия «устойчивость» и «консенсус» являются взаимодополняющими, но в аналитическом плане их целесообразно рассматривать отдельно.

Устойчивость – это фундаментальная характеристика структур, процессов, связей и отношений, выражающая их способность к сохранению пространственно-временных форм, инвариантов преобразований, динамическое равновесие, самовосстановление и канализацию векторов развития. Космологическую устойчивость мироздания обеспечивают так называемые физические константы, такие как коэффициент гравитации, постоянство скорости света и звука в вакууме, орбитального движения небесных тел и др. В органическом мире регулятивную функцию выполняет кругооборот веществ в природе, обеспечивающий постоянный состав атмосферного воздуха (химическая константа), обменные процессы в организме, строение хромосом (биологическая константа), механизмы терморегуляции, иммунитета и пр.

В обществе таких объективных констант нет, и его устойчивость изначально (антропосоциогенез) опирается на нормативные механизмы: а) табу – нормы, запрещающие те или иные действия; б) обычаи – нормы, поощряющие или даже повелевающие соответствующее поведение. Назначение норм – в поддержании социального порядка как согласованного бесконфликтного взаимодействия индивидов (коллективов), а позже и социальных институтов в рамках правового (законодательного) поля. Проблематике социального порядка наш отдел посвятил коллективную монографию. К сожалению, распространенное в отдельных кругах неприятие «нормативизма» с характерными аллюзиями на ограничение свобод, угрозу тоталитаризма и т. п. мешает спокойному и конструктивному обсуждению этой крайне важной и все более актуализирующейся проблемы. Парадокс в том, что никто (анархисты, нигилисты, либертисты) не хочет жить в условиях хаоса, анархии, беззакония, но и поддержать тех, кто борется со всем этим, обеспечивает порядок, хотя бы на дорогах, желания нет чаще всего из-за опасений быть зачисленным в апологеты.

Проблема устойчивости общества привлекла внимание науки, политики и СМИ после публикаций известного доклада Д.Х. Медоуз, Д.Л. Медоуз, Й. Рандерса Римскому клубу «Пределы роста» (1972). Речь шла о возможности поддержания окружающей средой растущей численности населения (проблема Мальтуса), и предел устойчивости обозначался авторами как «потенциальная емкость планеты». Спустя 20 лет в инициированной ООН «Повестке дня на XXI в.» (Рио-де-Жанейро, 1992) устойчивость представлялась как **новая парадигма цивилизационного прогресса**. В ней помимо экологических и продовольственных проблем затрагивались политические, социальные, торговые, финансовые и другие аспекты планетарного уровня. Под устойчивостью понималась способность социальной системы – отдельных стран и всего мирового сообщества – поддерживать свое собственное существование, а под развитием – позитивные изменения субсидарного (самоответственность) и перфекционистского (совершенствование) плана. В этом смысле развитие есть движение к самодостаточности всех вместе и каждого в отдельности, для чего предполагалось слаборазвитым странам оказывать материальную помощь, а обществам переходного типа – консультативную. Насколько «шоковая терапия» в социальной сфере и «обвальная приватизация» по западным рецептам оказались адекватными условиям и ожиданиям людей на постсоветском пространстве, мы говорить не будем, тем более, что Беларусь, как известно, пошла своим путем. Медоузы во втором своем докладе «За пределами роста» (1994) высказали мысль, что технологически и экономически создание устойчивого общества «пока еще возможно», имея в виду прежде всего недопущения кризисных тенденций. Но современный кризис пришел с другой стороны – социокультурной, и устойчивость, как и ее антипод – кризис, проявила свою человеческую размерность. Стало ясно, что устойчивость невозможна при эрозии доверия, в атмосфере доминирования эгоистических интересов, высмеивания идей и ценностей альтруизма, солидарности, общего блага, – в чем так преуспели идеологи либерализма.

Вы правильно говорите об устойчивости именно социума. Социум – это организованное человеческое сообщество любого типа – от семьи, коллектива, региона до страны и всего человечества. И чтобы такое целостное образование было устойчивым, должны быть упорядочены отношения между людьми, социальными институтами, структурами гражданского общества на всех уровнях. К сожалению, теоретики устойчивого развития в своих взглядах на природу социальности и, следовательно, на факторы ее устойчивости игнорируют более чем вековой опыт социологического анализа,

следуя скорее логике здравого смысла, обыденного мышления. Что мы наблюдаем сегодня? Мировой кризис пытаются тушить деньгами, и ни в одном заявлении мировых лидеров G7 и G20 нет даже упоминания о синдроме потребительства, о необходимости изменения идеологии потребления, освобождения ценностного сознания от соблазнов, мифов и иллюзий потребительства. Однако более чем очевидно, что даже сверхпотребление ни в одной стране не привело к стабильности и гармонии, а субъективные ощущения счастья оказались эфемерными. С социологической точки зрения устойчивость социума как конкретной системы интеракций двух и более субъектов определяется уровнем согласованности взаимных ожиданий на основе «двойной контингентности». Ожидания (экспектации) – это прогнозируемая индивидом реакция партнера по взаимодействию в ответ на собственные действия. Это то, что составляет ткань повседневной жизни: мы ожидаем, что на вопрос последует ответ, на приветствие – приветствие, на помощь – благодарность и т. д. Отношения являются прочными и воспроизводимыми до тех пор, пока уровень согласованности ожиданий вполне удовлетворяет партнеров. Но если кто-то отказался, образно говоря, пожать протянутую руку, отношения прерываются. А это значит, что в их основе лежат доверие, уважение, понимание, эмпатия. Главное, что по такой же логике строятся не только межличностные, но и сугубо деловые отношения. Если нет доверия тому, с кем вы «в одной связке» не только в альпинизме, но и в любых делах, то успех совместной деятельности маловероятен. Аналогично строятся и отношения населения к социальным институтам, органам власти, структурам гражданского общества, что хорошо видно при социологическом анализе индексов доверия. Этот механизм согласованности ожиданий пронизывает все общество, делая его консолидированным, сплоченным, мобилизованным и действительно устойчивым.

Термин «контингентность» («инаковость») ввел Т. Парсонс с целью подчеркнуть взаимодополнительность акторов в самом процессе социального действия. Синергетический эффект сотрудничества возникает тогда, когда каждый из двух партнеров (поэтому «двойная контингентность») способен понять и принять «инаковость» другого, а значит, дополнить и усилить его в совместной деятельности. В основе этого механизма лежит ценностное единство, сходство убеждений и мировоззренческих принципов, что эмпирически проявляется как толерантность – готовность понять иное мнение и если не разделить его, то воспринимать спокойно, без излишней напряженности и стремления переделать другого под себя. Парсонс писал: «Такой стабильный или уравновешенный процесс взаимодействия – фундаментальная точка отсчета для любого мотивационного анализа социальных процессов».

Термины «равновесие» (гомеостазис) и «социальный порядок» некоторые направления современной социологии (феноменологическая и постмодернистская и др.) рассматривают как статичные, ретроградные, зовущие к защите статус-кво. На самом деле такой подход связан с упрощенным пониманием порядка в духе механической солидарности, «вечного возвращения» (Ницше), или автаркии, что ведет к разрыву единого процесса. Еще Конт, говоря о «порядке и прогрессе», хорошо понимал и объяснял, что второе не возможно без первого. Если страна охвачена «цветной революцией», смутой, подковерной борьбой кланов и т. п., то ни о каком прогрессе говорить не приходится. Социологи, отмечая возможную конструктивность конфликта, имеют в виду, что они (конфликты) обнажают проблему и требуют ее решения, но только в ситуации рассогласования ожиданий, проти-

* Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 307.

воборства интересов, когда другие, более эффективные, средства второй стороной не допускаются. Конфликт лишь расчищает почву для поиска новых условий устойчивости социума путем согласования ожиданий и компромисса.

Консенсус – это и есть согласие разных общественных сил пойти на определенные уступки, учесть мотивы и интересы других ради сохранения целостности системы и возможности ее развития. К вырождению консенсуса ведет право вето (лат. veto – запрещаю). Казалось бы, если такое право есть у каждого, то это весьма демократично. Но, как показала история, абсолютизация данной нормы ведет к ослаблению управляемости и потере авторитета того органа, который должен принимать важные решения, блокируемые по узкоэгоистическим мотивам одним или несколькими участниками голосования. Для переходного периода достижение консенсуса особенно важно, поскольку в таком обществе: 1) высоки и настоятельны ожидания перемен, 2) отсутствуют традиции и практический опыт компромиссного согласования позиций. В современной Беларуси ряд стратегически важных вопросов решался путем референдума (государственная символика – герб, флаг, гимн; придание русскому языку государственного статуса и др.).

Как Вы относитесь к профессии *ученый*, почему бывает столько проблем, пока молодой специалист не найдет себя в науке, и как это становление происходило у Вас?

Конечно, я отношусь к профессии *ученый*, к науке в целом как социальному институту в высшей степени положительно и трепетно. Ученый – одна из самых престижных профессий во все времена и в любом обществе, где есть хотя бы зачатки науки. В 1990-е гг. на всем постсоветском пространстве, в том числе и в Беларуси, ученых в этом рейтинге потеснили такие новомодные для нас занятия, как шоу-бизнес, топ-моделирование, брокеры, риелтеры, банковские служащие, «айтишники», адвокаты. Для науки этот процесс оказался неоднозначным. С одной стороны, ушла некоторая часть творческих, в том числе и «остепененных», молодых сотрудников, часто захваченная современной волной внешней трудовой миграции; меньше стало желающих поступить в аспирантуру. С другой – отсея суетной массы, стремящейся главным образом к паблисити или к быстрым деньгам, открыл дорогу тем, кто идет в науку по призванию, и, следовательно, улучшил отбор кандидатов. Вместе с этим обозначилась новая тенденция к повышению престижа ученых в глазах молодежи, хотя проблема остается.

Один из великих физиков, кажется, Л.Д. Ландау, остроумно заметил: «Наука – это возможность удовлетворения собственной любознательности за государственный счет». В этой шутке правда о любознательности как тяге к знаниям, а кто заказчик – государство, частный бизнес, отдельный меценат – это не существенно, как и то, сколько он (заказчик) получает от ученого. Любознательность, действительно, исходный мотив научного поиска. Характерно то, что, как отмечает большинство интервьюируемых докторов наук, она не уменьшается с возрастом, а даже возрастает. Это напоминает эффект «расширяющегося горизонта», который возникает при подъеме в гору. Одним из первых данный феномен изучал А. Маслоу, связав его с типичным для ученых стремлением к самоактуализации. М. Вебер определяет науку как профессию и призвание. С профессией все ясно, так называют институционализированный род деятельности, требующий соответствующей подготовки и дающий определенный заработок. Призвание же – сложный феномен, интегрирующий социальные, психологические, культурные, даже биологические особенности личности в неразрывном единстве и взаимодействии ее с социумом, как показала В.Р. Шухатович в своей статье

в журнале «Социология» (2010, № 1). В призвании слиты служение и предназначение, образ жизни и смысл бытия, ответственность и свобода, рутина и вдохновение, интеллект и воля, труд и ограничение. В одной из работ я назвал призвание загадочным и сверхценным явлением. Загадочным – в том смысле, что его трудно, даже невозможно разложить на элементы в строгой пропорции. Сверхценным – ибо оно способно творить чудеса как в плане индивидуальной мотивации, так и достижений успехов в деятельности, общении, консолидации социума.

Профессия *ученый* объективно требует именно тех диспозиций, которые свойственны призванию. Заметим, что многие другие занятия, даже и очень сложные, такой императивности не имеют. Вебер в числе качеств, необходимых научному работнику, отмечал упорный труд, методическую дисциплину ума, готовность к строжайшей специализации, рутинной работе и риску, страсть и вдохновение, знания и убеждения, воображение в дополнение к холодному расчету. Без «странного упоения» своей проблемой, непонятого постороннему; без убежденности в том, что мир ждал тысячелетие, чтобы появился ты для ее решения, говорил Вебер студентам, «человек не имеет призвания к науке, и пусть занимается чем-нибудь другим». В этом особенность, я бы сказал, уникальность нашей профессии. Выпускники вузов, поступающие в аспирантуру по социогуманитарным наукам, как правило, видят себя в роли преподавателя, им это нравится и, скорее всего, у них есть призвание к такой деятельности. Но чтобы стать доцентом, профессором, необходимо защитить диссертацию – кандидатскую и докторскую. Так возникает явление, названное А.Н. Леонтьевым «сдвиг мотива на цель». Мотив – преподавание, цель – защита. Перемещение доминирующего побуждения на подготовку диссертации ведет к перестройке мотивационной сферы. Это происходит по-разному: у мобильных экстравертов быстрее, чем у ригидных интровертов. Многое зависит также от научного руководителя и организации всей работы аспирантуры в научном учреждении. В конечном счете некоторые соискатели степени настолько увлекаются наукой, что именно она становится их призванием, и они готовы совмещать эти близкие занятия или отказаться от преподавания вообще.

У меня это становление проходило не стандартно. Я сразу же стал работать по совместительству в мединституте. Признаюсь, испытывал большое удовлетворение и воодушевление от общения со студентами. Студенты также меня уважали, о чем я сужу по коллективным благодарностям и личным запискам, которые я храню до сих пор. Но главный интерес был к научной работе. Видимо, это было призвание, которое крепло в процессе углубления в саму исследовательскую работу. Я не учился в аспирантуре и кандидатскую диссертацию написал без каких-либо отпусков, не отрываясь от многогранной и сложной жизни сектора прикладной социологии, которым руководил. Вообще в те годы в социологию шли молодые специалисты не только через Академию наук и БГУ, но и отраслевые институты, заводскую социологию и другие структуры. К сожалению, их осталось не много: из заводских социологов – кандидат социологических наук М.Н. Хурс, из отраслевой социологии – кандидат социологических наук В.П. Плиско, остальные из БГУ и Академии, составившие костяк двух ученых советов по защите диссертации, успешно готовящие кадры белорусской социологии и сегодня. Если говорить о социологии как профессии и призвании, то следует отметить, что два первых поколения формировались из представителей разных наук, и это были люди с определенным жизненным опытом. Тем не менее их призвание не вызывает сомнения. Они, на мой взгляд, доказали его преданностью науке, готовностью и способностью соответствовать, по выра-

жению Вебера, «требованиям дня» как профессионально, так и в плане человеческих качеств.

Не могу не спросить вашего мнения, Сергей Александрович, относительно места и роли социально-гуманитарного знания в современном обществе. Почему мы все время наступаем на одни и те же грабли, вытесняя социально-гуманитарный блок научного знания на периферию?

Известная дискуссия о «физиках и лириках» развернулась в годы моего студенчества. Но в МГУ такой дифференциации, тем более противопоставления, не существовало. Студенты-физики С. Орлов, С. Никитин, В. Соловьев и другие писали стихи и песни, академики-математики А.Н. Колмогоров, А.Д. Александров рассматривали на своих семинарах мировоззренческие проблемы, активничал в социальном поле математик А.С. Есенин-Вольпин. Громкий диспут «о цинизме» провел как раз физический факультет. Конечно, в то время физиков превозносили, награждали, даже идеализировали – вспомним кинофильм «Девять дней одного года», но все это казалось естественным и справедливым. Хуже было то, что социогуманитарное познание в своих главных функциях – аналитической и прогнозной – не востребовалось для решения актуальных жизненных проблем. Руководство страны так и не поняло историческую необходимость пересмотра и обновления самой теоретической модели социализма, как это сделал Китай со всеми известными последствиями. Но это история, из которой необходимо извлекать уроки.

Говоря о роли знания, следует учитывать ряд методологических предпосылок. Во-первых, то, что у человечества нет весов, позволяющих определить вклад отдельных наук в совокупный планетарный тезаурус. Скажем, что важнее в цивилизационном смысле – изобретение колеса или создание письменности? Более близкий пример из истории зарождения капитализма. Что в истоках этого процесса: мюли, сельфакторы, паровые машины, т. е. производительные силы, или же созданная протестантской этикой (учение о предопределении) новая мотивация труда? К таким вопросам неизбежно приводит противопоставление «наук о природе» «наукам о культуре», что в современном прочтении как раз и есть попытка дать сравнительную оценку роли каждой из двух основных ветвей науки – естествознания и социогуманитаристики и доказать преимущество одной из них, как правило первой. Напрасный труд, ибо даже в военной области не ясно, чьи заслуги больше: тех, кто изобрел оружие, способное уничтожить планету, или тех, кто удержал и пока удерживает человечество от его применения.

Во-вторых, совокупный тезаурус конкретного социума как полный набор доступных (достигнутых) ему когнитивных форм и образов – обыденных, мифологических, религиозных, художественных, собственно научных – всегда является субстанциальным, кумулятивным и системным. Системность есть главный атрибут когнитивного набора, не будь ее, случаи «расколотого», «разорванного» сознания приобрели бы широкое распространение и поставили под угрозу само существование социума, вообще выживание человеческого рода. Парадокс в том, что этот психологический эффект структурированности сознания не зависит от объема когниций (знаний), сколько бы их ни было, они должны быть внутренне структурированы и систематизированы относительно целей деятельности и условий проживания. Обращаясь в памяти к детским годам жизни в деревне, я понимаю, что у моих односельчан мало было научных знаний в школьном или академическом смысле слова. Вряд ли кто-нибудь из них знал устройство солнечной системы, мог объяснить фазы луны, смену времен года или круговорот воды в природе, не говоря уже о законе гравитации или теории относительности. Зато знали,

как растить хлеб и ухаживать за животными, разводить сады и сохранить пчелиный рой, строить дома и отсыпать дороги, возводить мосты и осушать болото, ловить рыбу и добывать дичь.

Оттеснение социогуманитарного знания, как и обыденного (мифологического, религиозного), ведет к нарушению когнитивной системности, а значит, и к деформации сознания. Такие усилия, как правило, прикрываются прагматическими аргументами, но фактически они плод сциентизма и технократических подходов. Казалось бы, распад СССР, несмотря на мощный ВПК и развитые естественные науки, должен убедить всех, что отставание в области социогуманитаристики опасно. Тем не менее в силу инерции, стереотипов мышления продолжается лоббирование в том же направлении. Видимо, мы будем наступать на эти грабли до тех пор, пока естествоиспытатели не поймут, что А. Эйнштейн вовсе не шутил, заявляя, что Достоевский дал ему больше, чем Гаусс, и сами не выступают в поддержку оптимальности и системности знания, в том числе и на этапе распределения бюджетных средств.

Как Вы в этой связи оцениваете перспективы социологической науки на постсоветском пространстве? Некоторые рассматривают ее будущее исключительно в контексте доминирования эмпирических и чаще электоральных исследований...

Учитывая, что будущее всегда связано с прошлым, с генезисом и становлением нашей науки, хочу привести слова Ж.Т. Тощенко о том, что «социология возродилась в нашей стране сначала как политическая витрина» (Социология, 2009, № 4, с. 64). Действительно, социологию разрешили не из осознанной потребности в социологическом знании, не потому, что пришло понимание значения информации о настроениях и ожиданиях людей для принятия решений, а теоретических разработок – для корректировки стратегического курса, а скорее для того, чтобы избежать упреков в отсутствии общественного мнения, а значит, и демократии и пр. Тем самым предлагалась своего рода игровая ситуация для тех, кто ее понимал и принимал. К счастью, первые поколения энтузиастов (имена многих из них названы в интервью Тощенко) увидели в социологии ее высокую общественную миссию и вместе с тем собственное к ней призвание, что постепенно и вывело развитие социологии на нормальный путь.

Двойственное отношение к социологии особенно ярко проявилось в период перестройки, можно сказать, в ментальности самого М.С. Горбачева. С одной стороны, он согласился на окончательное конституирование социологии, что позволило решить многие давно назревшие вопросы социологического образования и научных исследований, определения статуса «социолог», и введение соответствующих специальностей в номенклатуру ВАКа, создание аспирантуры и докторантуры. С другой – первые же указы – «сухой закон» и «борьба с нетрудовыми доходами» – продемонстрировали пренебрежение социологическим обоснованием важных государственных решений. После распада СССР социология пережила трудное время, но достаточно быстро восстановилась в рамках теперь уже новых суверенных государств. Для того чтобы дать полноценный ответ о перспективах социологической науки на постсоветском пространстве, потребовался бы специальный анализ и прежде всего сбор информации. По моим впечатлениям, можно говорить о региональных особенностях востребованности и соответственно развития постсоветской социологии. Прибалтийская социология (назовем ее так) – достаточно развитая и оригинальная в советское время, кажется, сдала позиции и переориентировалась на ЕС (стандарты, гранты, заказы и т. п.). Ведущий эстонский социолог М.Х. Титма уехал в США и не

один; кто-то попробовал себя в политической деятельности, кто-то – в коммерции и пр. В любом случае наше прежнее сотрудничество и общение восстановить не просто. О работе среднеазиатских и кавказских социологов у нас информации мало. С Молдовой контакты всегда были тесными – еще в 1990-е гг. в нашем институте стажировались и защищались молдавские социологи, но сегодня эти связи оборвались. В славянских странах и Казахстане есть неоспоримые достижения как в области социологического образования, так и научных исследований.

Таким образом, перспективы социологической науки на постсоветском пространстве во многом будут зависеть от того, как пойдут процессы реальной интеграции в рамках СНГ. Создание таможенного союза, единого экономического пространства повлечет за собой информационный обмен, культурное сближение, социальную консолидацию и т. д. Возникнет объективная потребность в общей социологической службе, которая будет разрабатывать теоретические и прикладные проблемы двух- и многосторонних взаимодействий стран во всех сферах, прогнозировать те или иные изменения с учетом ожиданий населения. Не хотелось бы повторять, что альтернативы интеграции нет: надежды на вступление в ЕС эфемерны, конкурировать в одиночку все труднее, вероятность природных катаклизмов только возрастает, а с ней растет и угроза геополитической напряженности. На исторические вызовы необходимо найти достойные ответы. Одним словом, я скажу «скорее да, чем нет» о благоприятных перспективах социологии в странах СНГ.

Что касается соотношения теоретических и прикладных разработок, то надежды на то, что их оптимальность установится сама собой, спонтанно, как любил говорить Ф. Хайек о «расширенном порядке» в экономике, иллюзорны. Необходимо сознательное вмешательство субъектов, регулирующих развитие науки. Конечно, тенденция к доминированию эмпирических исследований – не только электоральных, но и маркетинговых, рекламных и др. – родилась не сегодня и не у нас. Разве не странно, что на изучение спроса выделяются большие средства, а на разработку теории потребления – никаких, что партии щедро финансируют избирательные кампании своих кандидатов, но забывают о разработке грамотных научных программ и соответствующего социологического обоснования. Я думаю, что это преходяще, и ситуация будет выравниваться с повышением общей социологической культуры.

Какие особенности Вы видите в развитии социологической науки и образования в Беларуси?

Белорусская социология сегодня развивается в русле тех парадигм, подходов и методологических принципов, которые характерны для мировой социологической науки, во всем многообразии направлений, концепций, методического арсенала, схем интерпретаций и т. д. Прежнее деление социальной науки по внеучным признакам осталось в истории как некорректное и незвучное; появилась возможность обмена информацией, изучения трудов зарубежных авторов не только для критики их классовых позиций, но и содержательно с целью ассимиляции опыта теоретического анализа, создания собственных методик, разработки нового понятийного аппарата. К сожалению, этот необходимый и положительный процесс освоения достижений современной социологической науки и вхождения в единое когнитивное пространство на первых порах (в 1990-е гг.) иногда сопровождался уклоном в нигилизм по отношению к собственному наследию и одновременно некритическим принятием отдельных новомодных течений как единственно верных.

Зная сложную судьбу отечественной социологии, мы вправе оценивать современное положение дел как переход к естественному и в высшей степени положительному процессу. За короткое время в Беларуси проделана огромная работа по освоению достижений социологической мысли – статьи, диссертации, монографии, серьезные энциклопедические издания. Все это – безусловные успехи белорусской социологической науки и образования. Если говорить об образовании, то некоторые особенности его организации, вы, Александр Николаевич, отмечали еще в 2005 г. Речь шла о сокращении количества часов на преподавание социологии, объединении социологии с другими дисциплинами, предоставлении вузам права самостоятельно решать вопрос о включении социологии в учебный план. Ясно, что все это во вред социологическому образованию. В одной из статей я говорил о целесообразности введения трехуровневой системы преподавания социологии, в том числе замены обществоведения на социологию как учебный предмет в средней школе. Пока этот вопрос, как я понимаю, не обсуждается. Безусловно, к достижениям социологического образования можно отнести то, что уровень выпускников БГУ, приходящих в аспирантуру Института социологии, из года в год повышается.

На мой взгляд, подошло время серьезно подумать о более узкой специализации социологов. Что я имею в виду. В развитых странах, особенно в США, с их десятками социологических факультетов и многими тысячами ежегодных выпускников, социологи распределяются (помимо традиционных мест в науке и образовании, маркетинге и рекламе, бизнесе и трудовых отношениях на производстве) в учреждения здравоохранения и социальной работы, пенитенциарную систему и органы профилактики девиантного поведения, миграционные и кадровые службы, армию и полицию, муниципалитеты и др. Понятно, что специалисты в области социологии медицины и, например, социологии туризма отличаются друг от друга почти так же, как физик-оптик от физика-акустика. Соответственно и их подготовка должна быть дифференцированной. А это возможно только в условиях полноценного факультета, включающего ряд профильных кафедр. Следовательно, к этому и нужно стремиться.

В научной работе наша особенность в том, что мы унаследовали институциональную социологию достаточно хорошего уровня, ее предметное поле исследования социальной структуры и процессов, дифференциации и стратификации, мобильности и миграции, а также изучение общественного мнения по данной тематике. Что же касается поведенческой или психологической, как ее часто называют на Западе, социологии, направленной на изучение социальных ожиданий и настроений, мотивов и самочувствия, потребностей и интересов, установок и идентичностей – всего, что обозначают термином «диспозиции», то здесь опыта, особенно методического, было мало. Сегодня эти проблемы выходят на первый план, особенно при изучении человеческого и социального капиталов, инновационной восприимчивости, мотивационно-стимулирующих механизмов всех видов социальной активности – труда, учебы, спорта, воинской службы и др. Особое значение приобретает исследование феномена доверия, факторов, оказывающих на него влияние, и механизмов регулирования. Современный мировой кризис показал, что эрозию доверия, вызываемую рассогласованием социальных ожиданий, нельзя предотвратить или восстановить только технико-технологическими средствами. С теоретической точки зрения «техногенная цивилизация» не только очередной миф, но и крайне вредная иллюзия. Такого рода явления и процессы необходимо изучать социологически и регулировать на основе социогуманитарного знания.

Еще один момент может быть отмечен как особенность современной белорусской социологии. Это появление негосударственных (частных), независимых социологических служб. В принципе это положительное явление. Если иметь в виду возможную конкуренцию, то пока особых проблем нет, исследовательское поле столь обширно, что места хватает всем. К тому же большинство таких служб, можно сказать, от «ребра нашего». Их руководители учились и защищали диссертации в Институте социологии или в БГУ. Положительно то, что появилась возможность сравнивать, а значит, и проверять друг друга. Это касается не только электоральных данных или индексов доверия социальным институтам и органам власти, но и оценок гражданами ситуации в стране, удовлетворенности и многого другого.

Если быть честными, нам грех жаловаться на недостаточность внимания со стороны руководства Беларуси и востребованности социологических исследований. В нашем институте многие доктора наук, и я в их числе, получали президентскую надбавку к заработной плате. Лучшие аспиранты и молодые сотрудники получают Президентскую стипендию. Однако на местах отношение к социологии разное. Например, давнее предложение – иметь в каждом регионе крепкий социологический центр или филиал Института социологии – реализовано только в Минске по инициативе бывшего мэра М. Павлова и в Могилеве – при поддержке Б. Батуры.

У Вас бывает такое настроение, что Вы сожалеете о том, чего не сделали или не успели сделать, а сегодня это Вам представляется чрезвычайно важным?

Наверное, у всех, кто занимается творческими видами деятельности, возникает сожаление о потерянном или неправильно использованном времени. Как писал Пушкин, «увы, на разные забавы я много времени убил...», имея в виду все, что отвлекало его от литературного труда. У меня таких отвлечений было с избытком. Но далеко не всегда это были «забавы». Я десять раз работал в составе строительных отрядов МГУ, студенческих и аспирантских, объехал многие труднедостаточные районы России. С Володькиным и Слемневым был на лесосплаве по Печоре, испытал немалые приключения от этого экзотического вида деятельности. Все такие отвлечения были не только полезны в познавательном отношении, но и вносили определенный вклад в семейный бюджет как фундамент научной работы. Конечно, я хотел бы завершить начатую еще в МГУ (моя дипломная работа) под руководством профессора А.К. Плетникова работу по социальному наследованию, а также подготовить материал о секторе прикладной социологии.

В заключение нашего интервью что бы Вы, Сергей Александрович, пожелали молодым социологам или тем, кто только выбирает свой жизненный путь, свое место в обществе?

Я уверен, что социология в Беларуси имеет серьезные перспективы и будет успешно развиваться. Сегодня мы отстали от России, где работает 35 факультетов, 25 отделений, 85 кафедр и ежегодный выпуск социологов составляет 8 тысяч человек. Дело, конечно, не в том, чтобы кого-то догонять, т. е. не в общем количестве или удельном весе социологов, а в современной динамике общества, инновационном курсе развития, что объективно требует глубокого анализа человеческого и социального капитала, разработки социальных технологий мотиваций людей и других проблем. Мы должны знать общество, в котором живем, хотя бы потому, что в XX в. незнание общества несколько раз приводило к катастрофическим последствиям. Молодым людям независимо от их профессионального выбора я желаю овладеть основами социологических знаний. Тем, кто идет в социологию или уже выбрал эту профессию как призвание, желаю твердости духа, ясности мышления и социологического воображения. Успехов!